Когда этой надежды нет, а Горный Божество символизирует смерть, они боятся быстрее всех остальных.

— Это по-человечески.

— Меня до смерти бесят такие истории, где люди сами навлекают на себя беду, но ты, похоже, очень терпим к этой человеческой природе? — Янь Вэй повернулся к Янь Миньгуану и приподнял бровь. — Чем ты вообще занимался до того, как войти в здание? Мы уже дошли до такого, разве нельзя спросить?

Янь Миньгуан промолчал.

Янь Вэй понял, что тот снова не хочет говорить, и фыркнул:

— Скучно. Тогда давай быстрее вернёмся и соберём улики. Мне совсем не хочется оставаться в этом тошнотворном городке.

-

Сун Юй, обыскав всё безрезультатно за утро, снова вернулся в Храм Горного Божества.

Хотя сейчас Нин И был последним по очкам, все своими глазами видели его силу. Вчера этот загадочный и холодный сид-игрок из организации Юэман смог в одиночку найти два очка, он не может сегодня остаться с двумя.

Если сегодня он ничего не найдёт, то окажется среди отстающих.

В первую же ночь Сун Юй своими глазами видел смерть соседа по комнате и боялся, что следующим станет он. Он не смел медлить и, не останавливаясь, обошел несколько мест. Но жители относились к нему с большой настороженностью, а спустившись в водяной колодец, он заблудился и с трудом выбрался. Поэтому сейчас ему пришлось вернуться в Храм Горного Божества, чтобы поискать зацепки.

Как только он вернулся, то увидел Ху Аюй в одном из маленьких садиков у храма.

Красивая кухарка уже сменила свою испачканную одежду на аккуратный национальный костюм с длинной юбкой, а голову её украшала расшитая бусами круглая шапочка, что делало её кожу ещё белее и нежнее.

Когда Сун Юй подошёл к дорожке у садика, она держала в руках обычный, но искусно сделанный масляный бумажный зонт, слегка опустив глаза, о чём-то задумавшись.

…Может ли эта кухарка всё-таки знать что-то, чего не знают другие?

Сун Юй решил попробовать ещё раз.

— Госпожа! — Он подошёл, делая вид, что просто болтает. — Сейчас так неспокойно, почему бы вам не спуститься с горы и не спрятаться дома? Зачем вы остаётесь в храме?

Красивая кухарка обернулась.

Вокруг садика цвели яркие цветы, подчёркивая её красоту.

В таком отдалённом древнем городке она уже считалась большой красавицей. И, судя по рассказу Ху Аюй, ей должно быть уже двадцать восемь лет, но время, казалось, не оставило следов на её лице, она будто была всё ещё юной девушкой лет шестнадцати.

Раньше, когда они ели на кухне, Сун Юй думал, что Ху Аюй не больше двадцати.

Но раз история, рассказанная Ху Аюй, была признана зданием как очки за блиц-ответ, значит, сомнений быть не могло.

Сун Юй не беспокоился. Глядя в её влажные глаза и видя, что она всё ещё как будто задумчива, он невольно смягчил тон:

— О чём вы думаете?

— Ах… — Кухарка наконец пришла в себя и взглянула на него. — Путник спрашивает меня?

— Да.

Она снова опустила голову, глядя на зонт в руках, длинные белые пальцы легко скользнули по его поверхности, и она тихо сказала:

— Скучаю. Скучаю по близким.

— По вашей сестре? Прошло уже десять лет, как она ушла. Примите соболезнования… Всему виной эти проклятые обычаи и этот отсталый способ — ведунья. Те, кто погубил её, рано или поздно получат по заслугам.

Красавица-кухарка внезапно подняла голову и пристально посмотрела на Сун Юя.

В её немного отстранённом и противоречиво печальном выражении лица что-то изменилось, и голос прозвучал с неясным нажимом:

— Ты сказал… кто получит по заслугам?

Сун Юй опешил:

— …Те, кто погубил твою сестру?

В следующий миг кухарка одарила его нежной улыбкой.

А Сун Юй медленно распахнул глаза.

— Перед ним, за спиной кухарки, медленно показалась окровавленная голова. Искажённое лицо улыбнулось ему той же мягкой улыбкой, но глаза, залитые липкой кровью, мёртво смотрели на него.

-

Янь Вэй и Янь Миньгуан вернулись в Храм Горного Божества быстрее, чем Янь Вэй предполагал.

Хотя индекс физического состояния Янь Вэя был на голову ниже, чем у Янь Миньгуана, его тело, усиленное данными подземелья, всё равно превосходило обычного человека. Они то шли, то бежали и без особого труда добрались от кладбища до храма.

В районе гостевых комнат было очень спокойно. До заката оставалось ещё время, другие игроки, должно быть, всё ещё искали улики снаружи, и никто не мог подслушать их разговор.

Как только они вошли, Янь Вэй закрыл дверь и сказал:

— Я только что на кладбище просмотрел время смерти всех убитых, с которых содрали кожу, и обнаружил кое-что интересное. Первым умершим в городе Анькан был Ли Ишу — тот самый мужчина, что обещал увести Ху Аюнь, но в конце концов нарушил слово. А вот второй умерший — любопытный случай.

Янь Миньгуан открыл окно и, облокотившись о подоконник, молча курил, слушая рассуждения Янь Вэя.

Горный ветерок развевал дым длинной струёй, тающей в воздухе. Заходящее солнце очерчивало профиль его лица — холодный, бесстрастный, но в этом жутком и мрачном месте

излучающий редкое спокойствие.

Янь Вэй на мгновение подумал, что Янь Миньгуан, возможно, и сам догадался о многом.

Но он продолжил:

— Второй умерший — тот, о ком не упоминалось в рассказе Ху Аюй. На его надгробии было написано, что до смерти он работал в Храме Горного Божества, вероятно, помогал ведунье с разными делами. Я проверил время смерти всех. Кроме Ли Ишу, который умер раньше всех, это странно.

— Из того, что Ли Ишу умер первым, видно, что Ху Аюнь после смерти тоже превратилась в безкожую женщину-призрака — неизвестно, та ли это, которую мы видели. И из-за обиды при жизни она первым делом убила того мужчину, что не забрал её. Кроме того, среди умерших я видел жениха из той иллюзии регрессии, в которую мы попали. Я слышал его имя, и на одном надгробии было то же имя. Хотя иллюзия регрессии была не про девушку из семьи Ху, а про другую, это тоже объясняет порядок убийств.

— Это говорит о том, что умершие связаны с силой обиды призраков. Они обижаются на возлюбленных, родителей, друзей… Только ближе к нашему времени среди умерших начинают попадаться совсем посторонние люди, вероятно, потому, что все, кто был им дорог, уже мертвы. Поэтому позже метод ведуньи с зонтами сработал: у безкожих женщин-призраков не осталось целей с сильной обидой. Но тогда почему простой горожанин, работавший в храме, умер раньше родителей Ху Аюнь?

Янь Миньгуан потушил сигарету и спокойно сказал:

— Она ненавидела его сильнее.

— Почему сильнее? В этой истории Ху Аюнь особенно ненавидела родителей и жениха, ведь это были люди, которые должны были любить её больше всех, но не только не спасли, а толкнули в огонь. Лишь сестра-близнец Ху Аюй помогала ей. Что могло заставить её ненавидеть чужого человека без кровных уз сильнее? Не забывай, в рассказе Ху Аюй говорилось, что она, чтобы связаться с запертой в храме Ху Аюнь, подкупила этого человека, работавшего в храме. Значит, он должен был помогать.

— Улики, опубликованные зданием, тоже об этом говорят, — произнёс Янь Миньгуан. — Здание не лжёт.

— Верно. Ведунья, Ху Аюй, горожане — все они из города Анькан и могут нас обманывать. Только здание не может лгать. Моя отрицательная метка от «Любви девы» абсолютно точна, а история Ху Аюй была записана зданием и передана всем игрокам, значит, то, что Ху Аюй подкупала работника храма, чтобы связаться с сестрой-близнецом, тоже абсолютно точно.

Янь Вэй достал из кармана монету-ласточку. В этот раз он не стал подкидывать её в руке, а с силой бросил вперёд —

Мужчина поднял руку и поймал монету.

Янь Вэй спросил:

— Орёл или решка?

Янь Миньгуан, не глядя, бросил её обратно и сказал:

— Верь той стороне, к которой ты пришёл в своих рассуждениях.

Янь Вэй тихо усмехнулся.

— Тогда я предположу… История правдива: в день свадьбы Ху Аюнь пошёл дождь, её выбрали, и возлюбленный, обещавший забрать её, не появился. Кухарка из семьи Ху, которую мы видели раньше, действительно подкупила человека в храме и связалась со своей сестрой-близнецом. Всё это правда, и здание транслировало эту историю. Проблема не в правдивости каждого слова, а в том… что история, рассказанная кухаркой из семьи Ху, — это смесь взглядов двух людей.

Янь Вэй прямо вынес вердикт:

— Десять лет назад сёстры-близнецы поменялись местами.

Он поднял монету, повернув её лицевой стороной к Янь Миньгуану, и, прижав палец к ней, сказал:

— Первая половина истории — это история Ху Аюй. В день свадьбы сестры пошёл ливень, её выбрали в жертву Горному Божеству. Добрая сестра-близняшка не хотела, чтобы сестра погибла, и всё время наводила мосты, помогая сестре связаться с её возлюбленным. Но перед жертвоприношением возлюбленный сестры не появился, а у Ху Аюй, девушки, не было сил спасти сестру…

Он сделал паузу и перевернул монету на другую сторону.

— А вторая половина истории — это взгляд Ху Аюнь. Она, загнанная в угол, преданная возлюбленным, с родителями, желающими, чтобы она сопровождала Горное Божество, и единственной сестрой, которая была на её стороне, но не имела сил увезти её. Тогда она придумала, как подкупить человека, работавшего в храме, заманить Ху Аюй в место своего заточения и вместе с этим человеком… поменяла себя и свою сестру.

— Кухарка, которую мы видели, — не Ху Аюй, а Ху Аюнь, старшая сестра-близнец, которая десять лет назад поменялась со своей сестрой. Догадаться о подмене близнецов нетрудно. Но как раз потому, что здание подтвердило историю кухарки, мы все решили, что это невозможно: раз история правдива, то и слова кухарки правдивы. Но на самом деле здесь скрывалась ловушка повествования…

— Ах, жаль, что я был так галантен и потратил своё приглашение на тёплую вещицу для неё, а получил лишь отрицательную метку. Кухарка изначально была подозрительной, и то, что её возраст остановился на восемнадцати, неудивительно. Девушка из отрицательной метки — точно она.

Говоря так, Янь Вэй прекрасно понимал, что эта отрицательная метка, возможно, не так уж плоха: одна только подсказка и зацепка, заключённые в словах «любовь девы», стоили того, чтобы рискнуть получить эту метку.

— История правдива. Просто первая половина — взгляд сестры, которая была за той стороной, а вторая — взгляд сестры, которая была против.

Янь Вэй усмехнулся уголком губ и убрал монету в карман.

Янь Миньгуан взглянул на него. Казалось, из-за того, что их отношения становились всё лучше, этот человек теперь говорил больше, чем при первой встрече:

— Есть одна прореха в твоей теории: ты вывел это из того, что безкожая женщина-призрак убивает по силе ненависти. Но если твои рассуждения верны, то по силе ненависти первой должна была умереть сестра, которая подставила сестру как замену.

— Это действительно парадокс, и здесь должна быть ещё какая-то причина —

Голос Янь Вэя оборвался.

В сознании всех игроков внезапно раздался сигнал здания.

[Обновление прогресса подземелья. Игрок успешно дал блиц-ответ на улики о сёстрах Ху: имя и происхождение ведуньи. Способ изготовления зонта из кожи и костей в древнем городе Анькан изначально происходит из семьи Ху. Ведунья, постоянно живущая в Храме Горного Божества и проводящая все жертвоприношения и поклонения в городе, — дочь семьи Ху. Поколение ведуний обучало молодых дочерей семьи Ху как следующее поколение ведуний. Когда прежняя ведунья умирала, новая ведунья наследовала её работу и обязанности. Ведунья города Анькан могла выходить замуж и рожать детей. Только девушки, приносимые в жертву Горному Божеству, должны были оставаться чистыми.]

[Игрок, давший правильный блиц-ответ, получает 1 очко за блиц-ответ. Блиц-ответы

продолжаются. Просим всех игроков активно отвечать, чтобы выжить.]

— А, это Линь Чжэнь, Юй Фэйчжоу или Нин И? — Янь Вэй моргнул. — Хотя это помогло мне соединить все догадки. Смотри, причина парадокса вот в чём: Ху Аюнь была следующей ведуньей, которую готовила ведунья. Просто она, не успев унаследовать титул, была выбрана. И наследницей ведуньи стала её сестра. Из-за одного ливня она из будущей уважаемой преемницы превратилась в жертву на алтаре.

— Потом произошло то, что было в истории: Ху Аюнь сбежала, стала Ху Аюй, и, владея этими злыми искусствами, она смогла управлять мёртвыми телами девушек и зонтами из кожи и костей. Сначала убила предавшего её возлюбленного, затем того горожанина, работавшего в храме, который знал, что она поменялась с сестрой. Горожане не знали этого, думали, что гнев Горного Божества вызван нечистой жертвой, и ещё сильнее возненавидели Ху Аюнь — в их глазах это была Ху Аюй.

Едва он договорил, в сознании Янь Вэя снова прозвучал недавний сигнал.

[Поздравляем игрока с разгадкой тайны семьи Ху. Как первый игрок, обнаруживший эту улику, вы получаете награду: Восприятие 6, Индекс физического состояния 6, Баллы 8.]

[Вы дополнительно получаете 3 очка за блиц-ответ.]

[Сейчас у вас всего 7 очков за блиц-ответ, вы временно занимаете первое место среди игроков этого подземелья. Продолжайте в том же духе, старайтесь выжить.]

Янь Миньгуан тоже получил эти три очка. Это была совместная заслуга Янь Вэя и Янь Миньгуана, оба получили бонусные очки, и теперь у обоих было по 7 очков за блиц-ответ — они делили первое место.

— И эта улика стоила целых три очка за блиц-ответ и довольно большую награду данными!

Янь Вэй оживился и улыбнулся:

— Такая высокая награда. Похоже, мы близки к последней улике. Раз мы уже дошли до этого шага… Так где же лестница? Что нам нужно сделать, чтобы — закончить это подземелье?

— Мне нужно скорее найти выход, а то мне кажется, что из-за этой неудачной метки меня в любой момент атакуют.

-

Янь Вэй и Янь Миньгуан сейчас на высшем счету, но у Янь Вэя есть отрицательная метка, и

никто не может гарантировать, что призрак не нападёт на него в любой момент.

Целый день беготни и постоянное нервное напряжение внутри подземелья утомили Янь Вэя. Он зевнул и продолжил:

— Судя по тому, что мы разом получили три очка… за разгадку дают ещё больше очков. Если не мы разгадаем, есть вероятность, что кто-то другой резко нас обгонит.

— Завтра, — он сразу принял решение, — с рассветом мы спустимся в водяной колодец и соберём все остальные фаланги пальцев на дне.

— Хорошо.

Янь Вэй приподнял бровь.

Это «хорошо» пришло слишком быстро, и Янь Вэй наконец осознал — Янь Миньгуан действительно очень доверяет ему.

— Эй, ледышка, почему я то чувствую, что ты очень простой, то что тебя не пронять, — Янь Вэй поднял руку и подпёр подбородок. — Будь ты геем, я бы заподозрил, что ты в меня влюбился. Ты не боишься, что я заведу тебя в тупик?

Выражение лица Янь Миньгуана не изменилось, но его чёрные зрачки стали ещё глубже.

Он спокойно сказал:

— Я доверяю не тебе, а себе, своим суждениям и своему взгляду. — Даже в голосе, звучащем холодно, чувствовалась лёгкая, невозмутимая уверенность.

Янь Вэй прикусил зубу и усмехнулся:

— Тогда будем надеяться, что наша вера в собственную проницательность — ах, как это запутано — короче, что она продлится, соратник.

Янь Миньгуан закрыл окно.

Здание храма было очень старым, а окна — старые, с бумажными переплётами. Даже закрытые, лучи заходящего солнца проникали внутрь, но становились туманными.

Янь Миньгуан стоял боком, окутанный этим неясным, пьянящим светом, словно свежий снег, упавший в тёплое лето: холодный, бесстрастный, но объятый тёплым цветом.

Он был холоден по характеру, но совершенно не гармонировал с этим тёплым светом, даже наоборот, создавал впечатление, что он оправдывает своё имя.

В шуме ветра медленно раздалась детская песня, понемногу вплывая в комнату.Песня о богатом урожае и дожде, исполняемая детскими голосами, в ушах Янь Вэя, уже знающего тайну города Анькан, звучала невыразимо жестоко.

— Звёзды зажглись, луна поднялась…

— …

— Мы раскрыли зонты…

В коридоре внезапно послышались шаркающие шаги, причём хаотичные, явно не одного человека.

Под эту песню такие разбросанные и шаркающие шаги заставили Янь Вэя и Янь Миньгуана переглянуться. Они одновременно шагнули и быстро подошли к двери. Янь Миньгуан, подняв руку, с невозмутимым лицом открыл дверь.

— В коридоре стояли три игрока.

Янь Вэй нахмурился:

— Кун Юйвэй? Сун Юй? Лю Я?

Эти трое вернулись не просто отдохнуть после поисков улик. На Сун Юе, который утром был в порядке, сейчас была большая часть одежды в крови, несколько ран, левое плечо — кровавое месиво. Это были не раны от оружия вроде ножа, а такие, будто кожу вместе с одеждой содрали.

К счастью, таких мест было немного. Хотя Сун Юй был ранен и его состояние явно было плохим, угрозы жизни не было.

Двое других обычных игроков с седьмого уровня, Кун Юйвэй и Лю Я, поддерживали его с двух сторон. Увидев Янь Миньгуана и Янь Вэя, стоящих в дверях, трое опешили:

— Янь? Как вы рано вернулись…

Янь Миньгуан, засунув одну руку в карман, подошёл и спросил:

— Что случилось?

Сун Юй был сейчас не в состоянии, его поддерживали Кун Юйвэй и Лю Я, и у него не было сил отвечать. Кун Юйвэй и Лю Я переглянулись, выражения их лиц были немного неловкими.

Утром они ещё успели коротко поспорить с Ху Аюй и другими.

http://bllate.org/book/22708/2405172